

Стучка Петр Иванович

**13 лет борьбы за революционно-
марксистскую теорию прав:
сборник статей 1917-1930**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Иванович С.**
13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию прав: сборник статей 1917-1930 /
Стучка Петр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 238 с.

ISBN 978-5-519-75704-1

Государство и право. Юридические науки -- История государства и права -- СССР --
1917 - 1937 -- Сборник произведений одного автора

ISBN 978-5-519-75704-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА.

НА ПОЧВЕ ЗАКОНА ИЛИ НА ПОЧВЕ РЕВОЛЮЦИИ?

Министр юстиции Керенский при вступлении в должность, по газетным сведениям, в первую очередь напомнил чинам своего ведомства, что он требует от них соблюдения строгой законности. Одним из первых декретов Временного правительства был декрет, изменяющий известную статью 29-ю «Устава о наказаниях», усиливающий наказание с 25 р. до 6 мес. тюрьмы за неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных властей, а равно земских и общественных учреждений (неизвестно, старых ли — «законных» или новых «самочинных»). В манифесте обновленного Временного правительства мы находим обещание энергичных мер против «неправомерных» действий. Когда произносится очередное слово о «самоуправных действиях нашей революции, то наши революционные юристы, безразлично, в штатском ли они или в солдатских шинелях, не могут отрешиться от привычного им понятия «самовольных, самочинных действий в целях осуществления мнимого права». А если кто решится высказать сомнения по поводу самого понятия «законности» в революционную эпоху или указать на то, что суть революции именно и заключается в «захватном праве», то он может быть уверен, что попадет в разряд «анархистов».

При этом забывают, что с таким же правом в анархисты придется зачислить и Карла Маркса за его защитительную речь пред судом присяжных 9 февраля 1849 г. в Кельне. И не поможет ему и то обстоятельство, что присяжные — обыкновенные обыватели, а не «товарищи-марксисты» — не только его оправдали, но еще и поблагодарили его за поучительную его речь.

А развил он в своей речи именно ту мысль, что он той «почве законности», на которую опираются обвинения, противопоставляет свою «почву революции». «Что же вы понимаете, говоря о соблюдении почвы законности? Соблюдение законов¹⁾, относящихся к пережитой уже общественной эпохе, созданных представителями отживших или отживающих свой век общественных интересов и более не соответствующих всеобщим потребностям. Но общество не покоится на законе, это только юридическая фикция. Напротив, закон должен опираться на общество, должен быть выражением общих интересов и потребностей, вытекающих из данного способа производства, — против произвола отдельных лиц. Как только закон более не соответствует общественным отношениям данной эпохи, он превращается в простой клочок бумаги. Вы не можете старые законы положить в основание нового общественного развития, также как и эти старые законы не создали прежних условий законности. Старые законы возникли из прежних отношений и вместе с ним они должны и погибнуть».

¹⁾ Цитата была взята тогда из дореволюционного цензурного издания. Перевод чрезвычайно неудовлетворителен. Новый перевод — см. сборник Разумовского, изд. Комм. Ак., стр. 155.

«Соблюдение почвы законности стремится превратить в господствующие такие сепаратные интересы, которые более не господствуют; оно хочет навязать обществу законы, уже осужденные к гибели как вследствие условий жизни данного общества, так и способа его существования, сообщения и материального производства. Оно ежеминутно вступает в противоречие с существующими потребностями, оно задерживает развитие способов сообщения и промышленности, оно подготавливает общественные кризисы, выражающиеся именно в политических революциях. Вот в чем настоящее значение привязанности к почве законности и отставания этой почвы законности».

Более, чем 60-летняя давность не лишила этих слов их жизненного интереса и для нас, ибо нигде, кажется, революционные деятели не путались так отчаянно в понятиях законности, как именно у нас. Начать хотя бы с тех розысков в старых и новых уложениях статей, подходящих для осуждения низложенного царя и арестованных его приспешников. И только ныне как будто склоняются к мысли об издании против них особого декрета с обратной силою. А между тем в той же речи 1849 г. К. Маркс коснулся и этого вопроса. «Совершивший удачно революцию может повесить своих противников, а не судить их. Возможно устранить их как побежденных врагов, но нельзя их судить, как преступников. После совершившейся революции или контрреволюции нельзя применять упраздненные законы против сторонников этих законов. Это было бы малодушным лицемерием». А сколько времени тратилось и еще тратится у нас именно на отыскание статей и преступлений хотя бы для жалких арестованных сыщиков и провокаторов. Дошли даже до мысли применения к ним ст. 102 Угол. Ул. и пр. и пр., к стати все еще не отмененной.

Лишь через неделю после своего рождения Временное правительство открыло (в акте о Финляндии), что оно революционным путем обладает всею полнотою власти, а до тех пор оно свои права выводило или из назначения кн. Львова председателем Совета министров, отстраненного Николаем II еще до его отречения, или из авторитета Комитета 4 Государственной думы, этого незаконнейшего из всех незаконных учреждений. Ибо всем памятно незаконное происхождение закона 3 июня 1907 г., даже с точки зрения самого непридирчивого законника. А между тем этот пережиток старого режима не только не расходуется, а продолжает существовать на счет Государственного казначейства, спокойно, хотя и «незаконно» выплачивающего diety членам бывшей 4 Думы.

Поэтому еще и еще раз мы повторяем слова К. Маркса: «Мы должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции».

(Это — единственная статья по вопросам права, написанная в революционном духе и напечатанная до Октябрьской революции: см. «Празда» от 24 мая 1917 г.).

II. БОРЬБА ЗА РАЗРУШЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРАВА И СУДА.

1. СТАРЫЙ И НОВЫЙ СУД.

I.

Наша контр-революционная печать все еще не может успокоиться по поводу декрета Совета народных комиссаров о суде. За отсутствием серьезных доводов против декрета прибегают к обычным сплетням и клевете или просто издеваются над фамилией автора декрета, как будто бы подобные приемы полемики против автора могли опорочить самое содержание декрета. По существу же проявляют полное незнание с делом и часто пускаются в догадки и предположения о содержании нового закона вместо того, чтобы просто прочесть коротенький декрет из 8 пунктов.

Больше всего озлобления вызывает упразднение декретом почтенного института Правительственного сената. Много потратила в свое время буржуазная печать чернил и бумаги для уничтожающей критики этого же Сената и как органа суда, и как органа надзора, как против отдельных его департаментов, так и против всего учреждения в целом. Но буржуазная критика не коснулась классового характера этого института. Для пролетарской же и крестьянской революции эта сторона вопроса играла первую роль.

В самом деле, суд, вслед за постоянным войском и бюрократическою полициею, являлся наиболее надежною защитою буржуазно-помещичьего строя. Под видом мнимой защиты правды и справедливости якобы независимая судебная власть буржуазного государства являлась самою надежною охраною капиталистического строя и интересов имущих классов. Не только потому, что эти судьи являлись прямыми агентами государства и государственной власти, как орудия порабощения угнетенных классов, но и потому, что они по своему классовому положению принадлежали к классу угнетателей. Они как правду и справедливость, так и свободу и равенство понимают так, как это подсказывают интересы их класса. Так, например, тот же «стоящий вне политики» Сенат, который после буржуазной революции 27-го февраля с. г. тотчас же санкционировал новую революционную власть, как вполне законную, после Пролетарско-крестьянской революции 25-го октября открыто объявил эту революцию гнусным преступлением. На другой день после первой революции наши суды уже произносили решения не именем свергнутого царского, а нового: «По указу Временного правительства», а после второй революции — они в течение целого месяца продолжали творить суд именем того же низложенного Временного правительства. И даже самая совершенная форма нашего дореволюционного суда — суд присяжных заседателей — в составе Невского проспекта безусловно оправдал бы Корнилова, а засудил бы большевиков. Известны же нам решения буржуазных присяжных заседателей в Англии (против Маклина и других) и в других западно-европейских странах. Неизбежно это вытекает из самого классового состава суда и присяжных заседателей старого строя.

Пролетарская революция, захватив в свои руки постоянное войско и разрушив его основания, поставила на место буржуазной полиции — милиции свою крупную гвардию или демократическую милицию. Могла ли она

остановиться перед твердынею судебной власти, которая демонстративно продолжала держать в своих лапах революционеров 3—5 июля или просто игнорировала события 25 октября? Но вековая буржуазная идеология упорно властвовала над умами даже наших революционеров. Понятия буржуазной правды и справедливости переживают свои реальные основы и вносят не мало путаницы в речи и даже действия верных в остальном революционеров. Вот почему в первый момент предложение ломки всего старого здания классового суда вызвало сомнения даже в головах некоторых весьма левых настроенных товарищей и, как ни странно, — главным образом, в рядах теоретиков. В самом деле, с трудом верится, что первоначально проект декрета о суде вызвал больше сомнений и объединил против себя больше голосов, чем такой, крайне решительный шаг, как ломка всего банковского дела. Недаром говорилось в течение столетий о «храме правосудия».

Для меня с первого дня революции не было сомнений в том, что только на развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию. Возражения о том, что прежде всего необходимо создать новый кодекс, новую книгу справедливости для нового суда, основываются на чисто-механическом взгляде на характер правовых взаимоотношений людей. А надежды на постепенное превращение старого классового суда в суд истинно демократический основаны на типичных иллюзиях реформизма. Ибо революционное право не есть простая реформа прежнего порядка, а царско-буржуазный классовый суд не может простою переменою личного состава превратиться в истинно-народный, справедливый суд.

Мои оппоненты, прежде всего, согласились со мною в том, что надо сломать верх здания — Сенат, но возражали против уничтожения низов. Как будто бы сломка крыши не сделала бы негодным для пользования все здание. В государстве, в котором высший надзор за всем судебным аппаратом сосредоточен в одном центре, упразднение этого центра, естественно, останавливает все производство. Оставляя же без изменения верхи, мы уничтожаем всякую плодотворную деятельность низов, хотя бы идеально перестроенных. Главное же опасение, что остановка на известный промежуток времени судебного аппарата вызовет полное расстройство экономической жизни, доказывает только незнакомство с волокитою нашего прежнего судебного порядка, в котором остановка на месяц и на два является совершенно незаметным антрактом, который обезврежен приостановлением течения всех сроков, считая с 25-го октября с. г.

Мы отнюдь не упускаем из виду того общезвестного возражения, что образованных юристов у нас немного, почему нам придется считаться с вопросом о забастовке наших юристов-специалистов. Но мы на это отвечаем, что только решительная ломка всего старого здания может произвести перелом в умах такого консервативного «сословия», как юристы, и заставить их подумать о том, что и они должны существовать для народа, а не народ для них.

Я лично вовсе не ставил вопроса о негодности всего личного состава судебного ведомства. Я охотно признаю присутствие и в Сенате и в прочих инстанциях способных и искренне преданных своему делу специалистов, но, во-первых, они потонут в массе ставленников Щегловитовых, а во-вторых, в организации классового суда, по своим взглядам, минуемо всегда будут на стороне имущих классов. Только перелом в их взглядах, как и во взглядах прочей интеллигенции, может превратить их в верных творцов нового порядка, а не только принужденных слуг нового режима¹⁾. Достигнута ли эта наша цель? Еще нет, но — рано еще судить

¹⁾ Дальнейший ход событий показал, что превращение старого буржуазного юриста в советского — вещь невозможная.

о результатах, когда самая ломка не доведена до конца и многие еще не верят в гибель таких «славных» вековых учреждений, как наш Правительствующий сенат. Многим все еще кажется, что деятельность Сената и всего прочего судебного аппарата только приостановлена. А Сенат сам верно отметил, что «Сенат приостановить нельзя, его можно только упразднить». В свое окончательное упразднение он, повидимому, еще не верит, ибо в газетах появились даже слухи о финансировании Сената каким-то американским банком и, может быть, мы еще услышим о подпольной деятельности нашего упраздненного верховного судилища.

Часть наших критиков нам прощает упразднение бюрократического Сената, но не хочет простить закрытие выборного мирового суда. Но я спросил бы, много ли перемен внесла в личный состав нашего мирового суда, например, в Петрограде, новая городская дума. Не остались ли, напротив, на местах все старые судьи стародумского происхождения? Ведь, характерно то, что по Петрограду ни один из прежних «выборных» судей не считал своим долгом после 25 октября стать на сторону Рабочей и Крестьянской революции!

Остается еще упрек за уничтожение свободной профессии адвокатуры. Я, опять таки, никогда не говорил о «прогнившей адвокатуре» вообще и никогда не скажу, чтобы наша адвокатура стояла на более низком уровне, чем в других странах. Я не буду останавливаться здесь и на естественном консерватизме профессиональных юристов вообще и адвокатов в особенности. Но разве было бы терпимо в будущем строе то взаимное отношение между адвокатурой и магистратурой (судейским составом), какое существовало в прежние времена? В то время, когда происходит демократизация всего строя, ведущая к уравниванию крупных и мелких доходов, уже по этой одной причине нельзя было оставить нетронутым это привилегированное сословие. Но своим дальнейшим поведением и адвокатура объявила себя, почти без исключения, классовым врагом Рабочего и Крестьянского Правительства.

Таков был старый строй, который мы отчасти уже сломали, отчасти только что ломаем. Но мы не только ломаем, мы тут же и строим, и хотя мы и строим по принципам, бесспорным в программах всех социалистов, именно со стороны наших социалистов раздаются за это наиболее незаслуженные упреки.

II.

Когда мы внесли декрет о суде, то в первую очередь нам был поставлен вопрос: а по каким законам будут судить революционные суды? Нас убеждали в том, что, прежде всего, необходимо создать новое революционное материальное право как гражданское, так и уголовное, которым мог бы руководствоваться новый суд. А до тех пор? Судить в старом суде и по старым законам?

Я уже отметил, что подобные рассуждения отличаются чисто механическим взглядом на право, как на произвольно издаваемый закон, а не как на надстройку, естественно вырастающую из существующих и изменяющихся экономических и социальных отношений. Если уже в нормальное время этот писанный закон далеко не охватывает всех существующих правовых отношений и весьма часто лишь очень неверно отражает действительное право, т. е. право, «сознаваемое» и на деле осуществляемое живыми людьми, то смешно было бы мечтать о непоколебимости писанного закона в момент великого переворота. Говорить о неотмененном писаном гражданском, т. е. в сущности — буржуазном праве в переходный момент к социалистическому строю! Или об обще-обязательном уголовном праве, т. е. праве, охраняющем, прежде всего, правоотношения существующего строя, в момент отхода в вечность всего этого строя!

Но в какой ужас приходили не только наши мнимые социалисты, но даже кое-кто из наших друзей, прочтя п. 5 декрета о суде, о том, что суд

должен руководствоваться писаными законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционному правосознанию или революционной совести народного, т. е. выборного суда! Были и такие возражения, что вообще пользоваться писаными законами свергнутого режима — неревOLUTIONно, и в этом возражении много правды. Только, к сожалению, самый народ в своем правосознании даже слишком, придерживается писаного закона, «переходящего — по словам Гете — подобно вечной болезни к потомству». Но, главным образом, обрушились на нас с другой стороны, обвиняя нас прямо в анархизме и многих других грехах. Теперь уже свыклись с нашей формулой и даже в рядах первоначальных противников ее слышно признание, что «не по писаным законам и не по утвержденным законам революция карает и милует ненавистников своих».

С первых дней революции 1917 г., еще в марте и позже, мне неоднократно приходилось возражать против сознательного или невольного лицемерия тех революционеров, которые привыкли говорить о строгой законности в самый разгар революции. Я помню тех кадетских или еще более правых писателей, которые самочинные революционные акты отождествляют с преступлением; они вполне откровенны и признают свергнутое ныне Временное правительство лишь постольку, поскольку оно получило санкцию от высочайшей власти, т. е. от Николая и Михаила. Я подобную ссылку вижу в лежащем предо мною высокосторжественном указе упраздненного ныне «Правительствующего сената». Но я полагаю, что даже самый умеренный социалист признает явную контрреволюционность подобного взгляда.

Когда я в свое время привел слова К. Маркса из знаменитой его речи пред присяжными заседателями в Кельне в 1849 г., сперва без указания автора, то мои оппоненты прямо заявили, что это, повидимому, изречение анархиста. Оказалось, что Маркс в 1849 г. убедил буржуазных присяжных заседателей, которые его не только оправдали, но еще и поблагодарили за поучительную речь. Но он не имел успеха пред своими «учениками» в России в 1917 г. Я позволю себе повторить отрывок из этой цитаты: «Вот этот кодекс Наполеона (французское гражданское право, которое действовало в 1848 г. и в Кельне), который я держу в своих руках, не создал современного буржуазного строя. Буржуазный строй, возникший в восемнадцатом столетии и развивавшийся все дальше и дальше в девятнадцатом, нашел в нем только свое юридическое выражение. И он представляет собой не более, чем простую кипу бумаги, раз он перестает удовлетворять общественным условиям». (Дальше идет цитата, приведенная в первой статье сборника).

Наш декрет о суде сделал все возможные с нашей точки зрения уступки; он не отрицает целиком писаного закона, но отводит ему подобающее в переходную эпоху место. Он признает писанный закон свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковой не отменен революционными декретами или революционным правосознанием народа. Действительно, формулировка эта страдает некоторою шаткостью, но она откровенна и нелицемерна. Она призывает самый народ до окончательного установления нового порядка в каждом случае решать вопросы о том, что остается еще в силе из прежних 16 томов Свода законов и что из них уже окончательно отменено Революцией.

Школа кадетского лидера Петражицкого могла бы обрадоваться тому, что мы встали на ее точку зрения об интуитивном праве, но мы глубоко расходимся с нею в обосновании этой точки зрения. И чтобы дать определенное объективное содержание нашим словам о революционном самосознании и о революционной совести, мы, как более точное определение того, что из старых законов «отменено Революцией», ввели в декрет слова: прежде всего «все что противоречит программе-минимум с.-д. и

с.-р. партий», т. е. партий, победивших в данной Революции. Эта мысль не моя, но я считаю ее настолько удачною, что берусь ее защищать от всяких критиков¹⁾. А самое, казалось, авторитетное из всех возражений было то, что между программами обеих партий существуют разногласия, например, — в вопросе о национализации или социализации земли. Это разногласие²⁾ однако, играло существенную роль лишь при продолжении капиталистического строя и теряет свою острую форму при переходе к социализму. И за этим разногласием получится достаточно согласных пунктов, дающих кодификации (сводке) революционного права достаточно указаний для уничтожения целых томов прежних законов и для замены их новым писанным или лишь внутренне осознанным правом. Возьмите, например, уничтожение сословий, выборность судей, отделение церкви от государства, полную свободу совести, восьмичасовой рабочий день, конфискацию помещичьего землевладения и т. д. Имеют ли эти требования программы-минимум определенное правовое значение или нет? Едва ли найдется человек, который решится ответить, что нет. Но сделать определенные выводы из факта победы этих лозунгов решила лишь Революция 25 октября.

Задаваясь вопросом о том праве, которое будет осуществляться в нашем новом суде, мы должны были остановиться еще и на вопросе о так называемых политических преступлениях. Мы, марксисты, категорически отвергаем самое понятие политического преступления, но мы отнюдь не отвергаем борьбу против контрреволюции. Поэтому мы, создавая особый революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими преступниками, но он является особою организацией «борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них Революции и ее завоеваний». Те особые приемы, которыми пользуется наша объединенная контрреволюция (от Пуришкевича, Корнилова и Милюкова до Авксентьева и К^о), требуя публичного расследования их с участием общественного элемента, ибо гласный разбор этих дел срывает маски с их героев. И сколько ни собиралось блестящих ораторов, чтобы пред этим непризнанным рабочим и крестьянским революционным учреждением срывать аплодисменты празднующихся контрреволюционных клакеров из публики, контрреволюционеры своею злою ненавистью к этому трибуналу лучше всего доказывают его революционную целесообразность.

А тем бывшим своим коллегам, которые найдут блестящую свою характеристику в щедринских Балалайкиных, я бы советовал лучше собирать дешевые лавры на этих «защитах» во «дворце Николая Николаевича», чем на обвинениях в подпольных своих «сословных собраниях» против меня и других отсутствующих товарищей, ибо исключить меня за «политические преступления» из сословия бесполезно по двум причинам. Во-первых, с того момента, как я стал Народным комиссаром юстиции, я, по несовместимости, без особого заявления ушел от присяжной адвокатуры, а, во-вторых, исключить меня из отмененного и несуществующего более «сословия», похоже на «взятие за шиворот, которого не оказалось». И если всех этих доводов для них недостаточно, то остается еще одно старое правило: победителей не судят.

¹⁾ Эта формула, как я уже несколько раз писал, принадлежит т. Ленину. Надо помнить, что в это время в Правительстве участвовали и левые всеры. П. Ст.

²⁾ «Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму». (Ленин, окт. 1918 г., т. XV, стр. 519). П. Ст.

III.

Чем мы предполагаем заменить упраздненный классовый суд? Ответ может быть только один: выборным народным судом. И если бы революционный пролетарий и крестьянин имели в своих рядах достаточно специалистов юристов, то вопрос разрешился бы чрезвычайно просто. Но на этом недостатке специалистов обуржуазившаяся интеллигенция и решила дать сражение пролетариату. В одной отрасли за другой эта интеллигенция стала объявлять забастовку, но забастовку не на свои собственные средства, не на свои стачечные фонды, но на фонды буржуазных империалистов, как всегда щедрою рукою поддерживающих все, что умаляло бы силы пролетариата и Пролетарской Революции.

В эту борьбу, которую сознательно вел только кадр специалистов, увлекли и полунинтеллигентную, полупролетарскую массу канцелярских работников — этих париев судебного мира, которые, существуя на нищенские оклады и случайные посторонние подачки, все-таки настолько прониклись атмосферою бюрократического «быта», что на пролетариев смотрели отчасти с завистью, отчасти с ненавистью. Они считали себя умственно выше народных масс, но в действительности мыслили в своем царстве 20-го числа более ограниченно, чем презираемая ими «фабричная чернь». Разница между кругозором «Правды» и кругозором «Новой Руси» или «Живого Слова»!

Я нахожу, что, не взирая на все затруднения, возникающие от подобной забастовки, результаты ее будут весьма благоприятны, ибо разрушат ту плотную стену отчужденности между чиновничьим, например, судебным миром, и так называемой деловой жизнью. Судебное ведомство сразу освободится от массы насажденных сюда разными Муравьевыми и Щегловитовыми неспособных карьеристов наверху, а в низах произойдет то естественное обновление, которое необходимо для будущей великой демократии.

Но перед нами стоит задача немедленно заменить упраздненный суд новым народным судом и исполнение этой задачи уже началось. Местный народный суд, как инстанция низшая и ближайшая к нуждам населения, уже местами выбран и приступил к делу. Он в центрах лишен элемента специалистов, юристы не пожелали выставить своих кандидатур и выборными оказались почти исключительно рабочие и солдаты. Справятся ли они со своею задачею? Повидимому, да. И напрасно издеваются буржуазные ротозеи над отсутствием у этих народных судей специальных познаний. Вникните только на минуту в суть дела! Народному суду приходится обсуждать обыкновенные, обыденные взаимоотношения между людьми. Разве их понимание так трудно и недоступно обыкновенному уму мало-мальски сознательного человека? Плохи, в высшей степени негодны те законы, те правовые нормы, понимание которых доступно только юристу-специалисту. Такое право, как ненародное, явно «противоречит революционному правосознанию народа» и должно быть отвергнуто. А если попадутся к разбору дела специально-буржуазного мира, менее доступного народному суду, то — выход простой: привлечение специалистов, сведущих лиц. Прежде буржуазный судья привлекал сведущих лиц особенно часто по вопросам трудовой, профессиональной жизни, теперь — наоборот. Задача народного суда, таким образом, не является неодолимою и невыгодно для Революции разве только то, что такую массу лучших сил приходится тратить на новую, на первый взгляд менее важную, отрасль общественного труда.

Но пролетариат и трудовое крестьянство после победоносной Революции 25-го октября не могут остановиться перед этой задачею. И новая работа может оказаться такою творческою силою, которую не в состоянии

заменить какие бы то ни было законодательные учреждения. А как бы ни решался вопрос о суде в будущем, те очередные заседатели, как все меняющаяся свежая народная струя, в нем останутся и тогда, когда постоянных судей, может быть, частью заменят примкнувшие к революции профессионалы-специалисты. Мы только подчеркиваем, что в отличие от известных за границей и заимствованных Керенским постоянных заседателей (шеффенов), мы требуем постоянной смены этих заседателей, чтобы суд был действительно народным, т. е. всегда имел теснейшую связь с народною жизнью.

Мы даем в своих указаниях возможно меньше формальных стеснений, чтобы дать простор народному творчеству. Мы сами сознаем, что было бы даже полезно увеличить состав народного суда, но только соображения экономии нам предугадали наименьшее количество судей — обязательную тройку. Но не противоречит ли этому оставление нами в силе способа кассационного обжалования? Как известно, принцип кассации означает отмену данного решения по формальным соображениям и передачу дела на новое рассмотрение другому суду или другому составу суда. Мы ограничиваем этот принцип тем, что предусматриваем отмену решения в том лишь случае, если высшая инстанция признает, что нарушения формы были существенны, но зато прибавляем право отмены, если высшая инстанция признает решение явно несправедливым. Нового решения по существу высший суд не постановляет никогда, но по уголовным делам ему предоставляется смягчение наказания или полное помилование. Вторую инстанцию для местного народного суда предусмотрен съезд постоянных судей «совет народных судей», который разделяется на заседания в составе не менее 3 членов.

Таков местный народный суд по нашему декрету, который ограничивает пока его функции делами ценою до 3.000 рублей и наказанием не свыше 2-х лет лишения свободы. Я говорю «пока», ибо не исключена возможность расширения подсудности народного суда в будущем. Но пока мы готовим проект суда для более сложных дел в виде выборного окружного суда для гражданских дел свыше 3.000 рублей и суд народных заседателей (прежних присяжных заседателей, но только из народа), для важнейших уголовных дел. Остатки буржуазного строя обязывают нас еще создать такой высший суд по возможности из специалистов, хотя мы и убеждены, что это будет только временное явление, ибо крупные гражданские споры все более будут уходить в область преданий и новый выборный окружный суд со временем сольется с местным народным судом, с усилением лишь участвующего народного элемента по важнейшим делам до 6 или даже до 12 очередных заседателей.

Для обжалования решения окружного суда мы создаем особую кассационную инстанцию, выбранную из числа выборных же членов суда, но не в государственном, а только в областном масштабе. Это для нас — вопрос отчасти принципа, отчасти же простой целесообразности. В принципе мы находим лишним существование такого центрального учреждения надзора и такого единого толкователя законов и во всяком случае всеми силами будем бороться против учреждения сената, типа американо-американского, уполномоченного судить даже о конституционности законодательных актов. Практически наш областной суд будет ближе и доступнее как по расстоянию, так и по языку для областей прочих национальностей.

Самые выборы мы временно предоставляем советам и здесь мы опять-таки встречаем принципиальные возражения, но на время революции мы от советских выборов отказываться не можем и все соображения о мнимом нарушении принципа независимости суда мы отвергаем, как неосновательные. Принцип разделения власти для нас, как и в действительной жизни, имеет только значение технического разделения труда. Власть, в данном случае, советская, естественно должна быть единою властью, вклю-

чая в себя и законодательную, и исполнительную и, наконец, судебную. Мы стоим за полное народовластие, но в нашей Республике это народовластие осуществляется только в советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Мы упразднили и старую следственную власть — эту послушную прислугу монопольного казенного обвинителя, старого знакомого прокурора Куролесича. Но самое предварительное следствие мы оставили. Мы только приблизили его к народу и поручили тому же местному народному суду. Мне кажется, что следствие перед народным судьей, знающим местную жизнь, будет более жизненно, чем следствие молодых карьеристов, этих вечно меняющихся «и. д. судебных следователей». А по делам более сложным народный суд властен обратиться к содействию специалистов.

Отвергаем мы и прежнюю монополию государства на роль обвинителя и предоставляем эту роль любому гражданину, который волен преследовать на суде всякое, как частное, так и должностное лицо, в чем-либо провинившееся. Прежнее государство, как орудие угнетения, было заинтересовано исключительно в обвинении. Новому строю чужда подобная тенденция; его более интересует защита, чем обвинение. И если и новое государство обратится к содействию обвинителя, то оно будет искать его в тех же рядах, как и защитника.

Институтом переходного времени является революционный трибунал. Его деятельность зависит от темпа общественного движения. Его роль — первоначально более обличительная, может превратиться в весьма сурово-карательную. Контрреволюция сама своими действиями определит степень суровости его репрессий. Трибунал, по смыслу декрета, является учреждением «борьбы против контрреволюционных сил». *A la guerre comme à la guerre.* (Петроградская Правда» 3, 4 и 5 января 1918 г.).

2. ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУД.

«Если хотите иметь хорошие законы,—жгите свои старые и творите новые».

Вольтер.

В буржуазных революциях суд никакой роли не играл. На место прежних судей революция выдвигала новых, но это была только смена лиц: место помещика-феодала занял представитель буржуазии, один угнетатель заменил другого. Изменились некоторые «непоколебимые» формы судопроизводства, но существо суда, как орудия в руках класса меньшинства угнетателей для подавления класса угнетенных, осталось. Взятчик «куроцап» Екатерининского закона был заменен сравнительно честным мировым или членом общего суда по уставам 1864 года, но класс помещиков, как в одном, так и в другом, всегда находил верного защитника своих интересов против «мужика». Через 3—4 дня после буржуазной революции 27-го февраля у нас старый суд, верноподданный, как всегда, с самим сенатом во главе, уже выносит решения от имени Временного правительства. И когда совершилась Пролетарская Революция 25 октября, которая камня на камне не оставила из всего прежнего буржуазного суда, то писатели из профессорской «Свободы России» («Русск. ведомости») в недоумении не нашли иной оценки события, как только слова: «Поместный дворянин заменен пролетарием, только и всего». Они только сами не сознавали, какую в действительности глубокую мысль высказывают подобными словами.

Великая французская революция, как известно, при всей своей решительности, не послушалась полностью слов Вольтера. Она жгла замки фео-